

— Бай-Бай, мы что, и завтра сюда придём? — не понимая, спросил Маленький лотосовый фонарь.

Если дело действительно заключалось в печати, а лотос не ошибся в своих догадках, то всё уже должно было наладиться.

— Нам нужно убедиться, — ответил Вэнь Бай. — Так будет спокойнее. К тому же стоит выяснить, откуда взялась эта печать со зловещей аурой.

Дух слегка сморщил нежные лепестки:

— Но тот дедушка, кажется, не очень-то хотел говорить.

Вэнь Бай тихо усмехнулся:

— Сегодня он сомневался, а завтра, глядишь, и сам всё расскажет.

Мастер Чэнь отмалчивался не из вредности: он просто не видел смысла откровеничать с незнакомцами и уж тем более им не верил. Вэнь Бай и сам на его месте не стал бы выкладывать душу первому встречному.

Подумав об этом, юноша слегка щёлкнул пальцем по печати и строго произнёс:

— Как бы там ни было, пугать детей нехорошо.

Лотос тут же подхватил с праведным негодованием:

— Вот именно!

Фонарик всю дорогу не сводил глаз с находки — даже антикварная пиала Цяньлуна потеряла в его глазах всякую привлекательность. Вэнь Бай хотел было спросить, не заметил ли тот чего-то подозрительного, как малыш резко встрепенулся:

— Выбирается!

С этими словами он рванулся по диагонали и вплотную прижался к отколотому краю печати.

Из повреждённого среза сочились тонкие струйки чёрной гари, тут же потянувшиеся к фитилю. Раздался лёгкий треск, пламя на мгновение вспыхнуло ярче и погасло.

— Готово, — пролепетал фонарик, и с его фитиля сорвалась крошечная искра.

Выглядело это точно так, словно младенец плотно поел и издал сытую отрыжку.

Вэнь Бай бережно подхватил его на ладонь, ощутив невольный укол тревоги:

— Ты это проглотил?

— Вовсе нет! — сообразил малыш. — Я её сжёг. Я таким не питаюсь.

Юноша облегчённо вздохнул. Зловещая сущность — вещь по определению сомнительная и явно бесполезная.

— А чем ты обычно питаешься? — попытался угадать Вэнь Бай, размышляя логически. — Пеплом от благовоний? Жертвенными мешочками? Свечами?

Едва подумав об этом, он нахмурился: доставать подобные вещи повседневного обихода обычным людям не так-то просто.

Малыш и сам толком не знал, лишь пролепетал:

— Мне всё Лу Чжэн готовит.

«Но теперь-то за тебя отвечаю я», — озадаченно подумал Вэнь Бай. Похоже, при случае придётся расспросить Лу Чжэна.

— Выходит, злой дух уничтожен?

— Угу.

— Какой ты молодец, — Вэнь Бай ласково погладил его.

Лотосовый фонарь мгновенно вспыхнул от жара. В его крошечной голове билась лишь одна ошеломительная мысль:

«Бай-Бай меня погладил! И похвалил!»

Смутившись до крайности, он сжал лепестки, сложил листики и целиком зарылся в пиалу Цяньлуна, оставив снаружи лишь ютившийся язычок пламени, который не успел спрятать.

Вэнь Бай с улыбкой качнул головой, поудобнее повернул кубок, чтобы крохе было комфортно, и перевёл взгляд на печать.

Теперь, когда скверна рассеялась, резьба на основании проступила куда чётче. Вглядевшись, юноша сумел разобрать три иероглифа: «Чжун Шинин».

Имя показалось ему странно знакомым, но сколько он ни напрягал память, так и не смог вспомнить, где слышал его раньше.

— Бай-Бай, я устал... — глухо раздалось из глубины пиалы. — Спать хочу.

Вэнь Бай, ещё не имевший опыта ухода за подобными созданиями, растерялся:

— Поедем домой?

— Не надо, — сонно пробормотал фонарик.

Он неспешно выбрался из сосуда, опустил на раскрытую ладонь юноши и начал стремительно уменьшаться. Лепестки его потемнели, и в следующее мгновение он обратился в сгусток чёрного тумана величиной с ноготь.

Вэнь Бай замер, боясь шелохнуться.

В мгновение ока сгусток растаял. На выпуклом боку белого нефритового флакона-тыквы, висевшего у него на запястье, появилось крошечное изображение чёрного лотоса — аккурат в пустом промежутке посреди высеченных сутр.

Прежде Вэнь Бай недоумевал, отчего вязь священного текста на нефрите где-то в середине прерывается. Теперь всё встало на свои места.

Он тихо окликнул малыша, но тот молчал, погрузившись в глубокий, беспробудный сон. Вэнь Бай перевёл взгляд с тыквы на печать и, помешкав пару минут, вызвал такси.

Пункт назначения оставался прежним — Первое поместье.

— Ничего страшного. Он совсем ещё дитя, им полагается много спать. К тому же изгнание скверны отняло немало сил, — Дитин слегка щёлкнул по нефритовой тыкве. — Не переживай.

Вэнь Бай облегчённо перевёл дух. Не переживать было сложно: только что дух живой и

невредимый беседовал с ним, а через секунду сжался до размеров ногтевой пластины.

Лу Чжэн же, ничуть не удивившись, проронил холодным тоном:

— Подойди.

Обращался он, очевидно, к Вэнь Баю.

Памятуя о его давешнем взгляде, сулившем смерть в течение трёх дней, юноша категорически не хотел подходить. Но этот человек был его работодателем. Набрав в грудь воздуха, Вэнь Бай сделал шаг вперёд.

Стоило ему приблизиться, как Лу Чжэн, словно ему лениво было делать лишнее движение, лишь слегка качнул подбородком:

— Руку.

— Что?

— Дай мне руку, — повторил Лу Чжэн.

Вэнь Бай протянул ладонь.

Лу Чжэн нахмурился:

— Другую.

Только тут до Вэнь Бая дошло. Нужен флакон — так и говори! Зачем руку-то просить?

Он уже собрался снять тыкву с запястья, но Лу Чжэн опередил его. Стремительно перехватив тонкое запястье, владыка сжал его пальцами и прикоснулся подушечками к нефритовой поверхности.

Вэнь Бай отчетливо увидел, как из указательного пальца Лу Чжэна вытекли две капли крови и, коснувшись чёрного лотоса, бесследно впитались.

Юноше мгновенно вспомнились слова малыша:

«Мне всё господин Лу готовит».

Поразмыслив, Вэнь Бай осторожно спросил:

— Он был голоден?

— Угу, — бросил Лу Чжэн.

— И ты кормишь его этим?

— Угу.

Лишь спустя пару мгновений до Лу Чжэна дошёл истинный смысл вопроса. Что значит «кормишь этим»?

— Ты что, брезгуешь? — Лу Чжэн чуть подался вперёд, сузив глаза.

Молчание юноши он истолковал как соглашение. Этот смертный смеет чем-то гнушаться?!

Пальцы Лу Чжэна невольно сжались сильнее, и он резко потянул застигнутого врасплох Вэнь Бая на себя. Тот не успел удержать равновесие, нога скользнула, и в следующее мгновение он уткнулся грудью прямо в широкие объятия Лу Чжэна.

Они оказались настолько близко, что дыхание одного касалось кожи другого.

— Босс, — Вэнь Бай слегка стиснул зубы. — Будьте добры, отпустите.

Господин Лу не шелохнулся.

— Босс, — не найдя иного выхода, юноша слегка качнул захваченной кистью, — вообще-то мне больно.

Лишь тогда Лу Чжэн разжал пальцы.

Вэнь Бай снова про себя вздохнул. В сравнении со своим старшим покровителем Маленький босс был просто душкой. Как объяснить этому истукану, что в его словах не было никакой брезгливости? Он лишь искренне сомневался, что подобная пища может быть вкусной для ребёнка.

Дитин, с интересом наблюдавший за этой ценой, соизволил подать голос только после того, как Лу Чжэн одарил его ледяным взглядом. Сделав пару шагов вперёд, он демонстративно откашлялся и обратился к Вэнь Баю:

— Что планируешь делать с печатью?

— Я? — переспросил тот. — Разве очищение от скверны и темных чар не входит в ведение Иньси? Разве подобные вещи можно оставлять среди смертных?

Дитин качнул головой:

— Никаких чар там не было. Обычный погребальный инвентарь, впитавший немного трупной скверны.

Вэнь Бай онемел.

Погребальный инвентарь?! Юноша невольно сжал кулаки. Выходит, он весь день таскал с собой предмет из чужой могилы?!

— В сам гроб её не клали, — словно смилостивившись, подал голос Лу Чжэн. — Лежала бы она в гробу — одной лишь трупной скверной ты бы не отделался.

Отлегло. Немного переведя дух, Вэнь Бай снова задумался о печати. Раз это погребальная вещь, да ещё и именная, возможно, удастся установить личность владельца?

— Завтра я снова схожу к Мосту Трёх Бессмертных, — проговорил он. — Если всё в порядке... отдам её.

— Кому? — перебил Лу Чжэн.

— В Управление культурного наследия.

— В Управление? — переспросил Лу Чжэн с такой миной, будто впервые слышал подобное сочетание слов.

Вэнь Бай посмотрел на него так, словно перед ним стоял прогульщик девятилетки.

— В Департамент по управлению и защите культурного наследия, — терпеливо пояснил он.

Почувствовав себя ущемлённым, Лу Чжэн изменился в лице:

— У Иньси свои законы. Погребальные предметы принадлежат Преисподней! Если отдавать, то сюда!

Вэнь Бай поджал губы. Ну как объяснить этому древнему ископаемому, что времена изменились? Законом об охране культурного наследия чётко прописано: все артефакты, найденные в земле или воде, являются собственностью государства.

Задача не имела бескровного решения. Заметив бесполезность спора, Вэнь Бай обратился к единственному адекватному собеседнику — Дитину:

— Но Управление находится довольно далеко отсюда...

— Вэнь Бай! — глухо предостерег Лу Чжэн, взбешённый тем, что его игнорируют.

— Как думаешь, если я просто отнесу её в участок, этого будет достаточно? — невозмутимо продолжал юноша.

Раздражённый Лу Чжэн потерял дар речи.

— Или можно вернуться в университет и проконсультироваться у профессоров исторического факультета. У нас на кафедре есть авторитетные специалисты.

— Вэнь Бай! — не выдержал Лу Чжэн. — Ты вообще своего босса ни во что не ставишь?!

Ведая о золотом правиле «на улыбающегося человека рука не поднимется», Вэнь Бай излучал ангельское спокойствие:

— Отчего же? Очень даже ставлю.

Лицо Лу Чжэна немного смягчилось:

— Давай её сюда.

Вэнь Бай протянул артефакт.

Едва взглянув на него, Лу Чжэн брезгливо нахмурился:

— Хрупкий нефрит? Низжайшего сорта? — Он поднял взгляд на юношу. — Ты надо мной издеваешься?

Вэнь Бай оторопел:

— Вовсе нет.

— И ради этой дряни ты поднимал весь этот шум? — Лу Чжэн швырнул печать обратно.

Вэнь Бай ловко поймал её:

— Я вовсе не собирался тащить её сюда...

«И вообще хотел от неё избавиться! Это вы сами заявили о правилах Иньси и потребовали её показать!» — мысленно огрызнулся юноша, хотя вслух произнести это не дерзнул.

В конце концов разрядил обстановку Дитин:

— Оставь её пока у себя.

Вэнь Бай указал пальцем на свою грудь, не веря ушам.

— У этой вещи есть хозяин, — пояснил Дитин, постучав по нефриту. — Вторая половина печати ещё не найдена. Если отдать её сейчас, могут возникнуть неприятности.

Словам Дитина стоило верить. Если передать печать в Управление и там случится нечто чертовское, поднятый шум принесёт куда больше проблем. Вэнь Бай решил подождать.

Дело было улажено, малыш-фонарь сыт и сладко спал.

— Босс, если других поручений нет, я пойду, — сказал Вэнь Бай и вежливо выждал пару секунд.

Лу Чжэн лишь мазнул по нему холодным взглядом и отвернулся.

«Прекрасно, свободен», — ухмыльнулся про себя юноша.

Вернувшись домой, Вэнь Бай первым делом отключил телефон и проспал без задних ног до самого утра.

На следующий день, проснувшись ни свет ни заря и разгребя накопившиеся сообщения, он отправился к Мосту Трёх Бессмертных. Дожди, лившие полторы недели, наконец прекратились, и на улицах былолюдно.

Едва он ступил на антикварный рынок, как торговец из ближайшей палатки гаркнул во всё горло:

— Старый Чэнь! Глянь-ка, не он ли?!

Голос загремел так, словно парень боялся, что Вэнь Бай вот-вот сделает ноги.

В ту же секунду из глубины ряда выскочил Чэнь Шивэнь, на бегу поддакивая:

— Он, он самый!

Бодрый, энергичный — от вчерашнего надутого старикана не осталось и следа.

— С малышом всё в порядке? — улыбнулся Вэнь Бай.

Чэнь Шивэнь от избытка чувств лишь судорожно кивал, не в силах вымолвить слова:

— Да-да-да!

— Вот и славно.

Понимая, что о таких вещах не кричат на всю улицу, Чэнь Шивэнь торопливо увлёл юношу к своей лавке:

— Вашими молитвами, господин! Как только вы вчера забрали ту печать, внушку моему сразу полегчало! — Вспоминая пережитое, старик до сих пор находил это диковинным.

— Он у вас совсем кроха? — уточнил Вэнь Бай, помня слова Маленького лотоса о том, что у новорожденных душонка слабая, оттого их легко перепугать.

— Да-да, полтора месяца от роду! — взгляд Чэнь Шивэня горел неподдельным почтением.

— А чем он болел?

Ни лотос, ни Дитин с Лу Чжэном не говорили, будто скверна несла смертельную угрозу. Значит, и недуг не мог быть тяжёлым.

— Да болезнью-то и не назовёшь, — подтвердил Мастер Чэнь. — Заходилась плачем каждую ночь напролёт! В больницу возили раза три — врачи руками разводят, говорят, здоров як бычок, просто не давайте ему спать днём.

Сперва старик не придавал этому значения. Но когда причина так и не отыскалась, домашние завели разговоры: мол, не принёс ли дед из лавки какую нечисть? Сам Чэнь Шивэнь знал

твердо: его артефакты из земли не выкапывали, откуда тут взяться «нечисти»? Однако сомнения запали в душу. Вот почему, услышав вчера слова Вэнь Бая про ребёнка дома, он не удержался и ляпнул лишнего.

А когда ночью внук наконец успокоился и заснул глубоким, безмятежным сном, старик вспомнил дневного юношу и не смог сомкнуть глаз до рассвета. Прибежал на рынок ни свет ни заря.

Теперь же, видя, что юноша с ходу угадал про младенца, старик окончательно уверился, что перед ним настоящий знаток:

— Маленький господин, теперь-то с моим внучком точно всё будет хорошо?

— Всё хорошо, — успокоил его Вэнь Бай. — А как вы догадались, что дело именно в печати? Вчера ведь я набрал целый ворох вещей.

— Так вы же, забрав её, сразу проронили, мол, домашнему малышу ничего не грозит, да ещё про печать допытываться стали.

Вэнь Бай кивнул. Не желая нагонять лишнего страху на старика, которому и без того досталось, он мягко произнёс:

— На той печати не было никакого злого рока, просто ребёнок слегка перепугался.

У Чэнь Шивэня окончательно отлегло от сердца.

— Мастер Чэнь, у меня к вам ещё один вопрос, — проговорил Вэнь Бай. — Где вы достали эту печать?

— Да какое там «достали», — вздохнул тот. — Будем честны, на сегодняшних антикварных рынках подавляющая часть товара — самый обыкновенный ширпотреб.

— Ширпотреб?

— Ну да, фабричная штамповка со всех уголков страны. Возьмите хоть фарфор: сучжоуский самый ходовой, его везут партиями — свежая работа, искусственно состаренная, да и на хорошую копию не тянет.

— Понятно. Поэтому вчера на мой вопрос вы ответили, что раскол на печати сделан намеренно.

— Именно так, — старик расхрабрился и охотно продолжил: — Впрочем, попадаются и настоящие вещицы. Только под «настоящими» у нас понимают не музейные сокровища, а просто предметы с историей — старые монеты, серебряные юани да всякая мелочёвка.

— А та громкая история у Моста Трёх Бессмертных? — воспользовался моментом Вэнь Бай.

— О, то дело чистая правда, — с ностальгией промолвил Чэнь Шивэнь. — Но то было полвека назад. В те времена народ в нашей среде был отчаянный, торговали всем подряд, да и перекупщиков хватало. Правило «не спрашивай откуда, купил — молчи» с тех пор и повелось.

Вэнь Бай помнил это по лекциям в университете: много лет назад антикварный бизнес пребывал в серой зоне, но с появлением законов и контроля всё встало на рельсы.

— Нынешние поставщики — никакие не черные копатели. Настоящего раритета у них днём с огнём не сыщешь. Всё, что проходит через их руки — либо штамповка, либо копеечная некондиция. Как бы они ни пели, нам это сдают оптом, по цене лома.

Мастер Чэнь достал из кармана сигарету, но, вовремя вспомнив, что перед ним некурящий юноша, убрал её обратно:

— Печать та шла в общем тюке. Я догадывался, что вы спросите, и с самого утра набрал Старому Яну — оптовику, что поставляет мне товар. Не переживайте, про печать я не заикался, просто наплёл, мол, внук заливается плачем, не сглазил ли кто, и попросил проверить.

— И они верят в такое? — удивился Вэнь Бай.

— Да они верят больше нашего! И боятся пуще смерти, так что проверил он всё мигом. Но сколько ни копали — кругом одна штамповка, та печать чёрт знает как туда затесалась. В одном могу поручиться: Ян из земли ничего не доставал.

Смысл был ясен: вещь не из свежераскопанной могилы. Лу Чжэн тоже говорил, что будь она из гроба, трупной скверны оказалось бы в разы больше.

— Сейчас у нас строгий порядок, особенно вокруг Моста Трёх Бессмертных: повсюду патрули, стенды с законами стоят. Никто незаконными делами промышлять не станет. Да и скажу вам прямо: будь та печать настоящим сокровищем, до нас бы она ни за что не дошла.

Ниточка оборвалась, но кое-какую пользу Вэнь Бай всё же извлёк: по крайней мере стало ясно, что Мастер Чэнь к скверне не причастен.

При расставании старик во что бы то ни стало порывался вернуть деньги за покупку. Вэнь Бай отказался, но, вспомнив, как Маленький лотос «сражался» со скверной и выбился из сил,

присмотрел на лотке пару блестящих безделушек — пусть будут малышу подарком, когда проснется.

Однако ни на следующий день, ни через три дня нефритовый флакон не подавал признаков жизни.

Вэнь Бай и сам крутился как белка в колесе: из-за затяжных дождей отложенная дипломная церемония с наступлением ясных дней снова вернулась в график.

В тот день юноша как раз завершал последние штрихи в учебном исследовании, когда раздался звонок от Фан Лэмина.

Первой же фразой тот огорошил:

— Сяо Бай, беда! А-Вэй погибает!

<http://bllate.org/book/20643/2109277>